

A detailed illustration of a winter mountain scene. In the foreground, a stream flows through a snowy landscape. Four figures, dressed in medieval-style clothing with red and dark capes, stand on a snow-covered bank, looking towards a distant, snow-covered mountain range. The background features a dense forest of evergreen trees and a large, snow-covered mountain peak under a hazy sky. The overall atmosphere is cold and serene.

Цифирь и воля. Книга 3

Владимир Кожедеев

Владимир Кожедеев

Цифирь и воля. Книга 3

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Цифирь и воля. Книга 3 / В. Кожедеев — «Автор», 2026

Они пришли из разных времен, чтобы стать хранителями одного мира. Зима в Белогорье пришла ранняя и злая. Но настоящая беда не в морозах — в колодцах появляется яд, убивающий целые семьи. Боярыня Анна, химик из XXI века, узнаёт в симптомах метгемоглобинемии — отравление, невозможное в XVII веке. Это не случайность. Это чей-то злой умысел. Вместе с инженером Нестором, который тоже «провалился» в прошлое, и таинственным Виктором — разведчиком из далёкого 2147 года — Анна начинает расследование. Их ждёт дорога к истоку реки, руины древнего поселения, послание от тех, кто был здесь до них. И страшная правда: аномалия, притянувшая их в этот мир, не случайна. Она была создана намеренно. Но пока они ищут ответы, враг уже рядом. И этот враг не из прошлого. Он из будущего. **«Цифирь и воля»** — третья книга цикла о попаданцах в средневековой Руси. Детектив, мистика, точный расчёт и холодная решимость. Это история о том, как знание становится оружием, а дружба — единственным спасением.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Морозное утро	5
Глава 2. Цифирь в темнице	8
Глава 3. Следы на снегу	12
Глава 5. Письмо из монастыря	18
Глава 6. Овраг. Пробы и откровения	21
Глава 7. Ночной совет	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Кожедеев

Цифирь и воля. Книга 3

Глава 1. Морозное утро

Зима в Белогорье пришла ранняя и злая. В ноябре уже выпал снег по колено, реки сковало льдом, и избы тонули в сугробах до самых кровель. Дым из труб стлался низко, нехотя поднимаясь к свинцовому небу, и казалось, что само время замедлилось, замерзло вместе с землей. Тишина стояла такая, что слышно было, как в лесу лопаются от мороза стволы старых сосен — сухой, резкий звук, похожий на выстрел. Птицы попрятались, зверье забилося в норы, и только волки выли по ночам, поднимая вой к низким, тяжелым звездам.

Анна Всеволодовна сидела в своей светлице, закутанная в теплую шубейку на лисьем меху, и перебирала записи. В печи потрескивали дрова, в реторте медленно кипела какая-то настойка, но мысли ее были далеко. Она ждала вестей из монастыря — Нестор должен был закончить расчеты для нового водоподъемного механизма, который должен был заработать с весенним паводком. Виктор, по обыкновению, растворился в тених, но Анна знала, что он где-то рядом, наблюдает, фиксирует. Его браслет больше не подавал сигналов тревоги, и это было почти хорошо. Почти.

На столе перед ней лежали листы бересты с каллиграфическими записями Нестора. Он писал теперь ровно, без прежнего фанатичного нажима, словно обрел наконец покой в цифрах и формулах. «Расчет гидравлического сопротивления для нового водоподъемного колеса», — гласил заголовок. Далее шли колонки цифр, углы, коэффициенты. Анна перечитывала их в третий раз, пытаясь найти ошибку, но не находила. Нестор был точен, как швейцарские часы, которые она помнила по прошлой жизни, но которые здесь, в этом мире, никогда не существовали.

Она отложила бересту и взяла другую — свой научный дневник, тот самый, зашифрованный смесью латыни, греческих символов и английских сокращений. Вчера она закончила серию опытов по очистке воды углем и песком. Результаты были обнадеживающими: фильтр из березового угля и промытого речного песка, уложенных слоями, снижал содержание взвесей почти на семьдесят процентов. Но для массового применения нужны были средства. И время. И доверие людей.

«Обр. Θ (фильтр угольный) — эффективность 67,3%. Повторяемость стабильная. Рекомендация: внедрение в усадьбе, затем — в слободе. Проблема: убедить крестьян в необходимости. Суеверия сильнее аргументов».

Она усмехнулась, перечитав последнюю фразу. Сколько раз в ее прошлой жизни она сталкивалась с тем, что люди не верят в очевидное? Теперь это стало не просто академической проблемой, а вопросом жизни и смерти.

Тишину нарушил стук. Короткий, настойчивый, по дереву двери.

— Войдите, — сказала она, откладывая перо.

На пороге стояла ключница Устинья. Лицо ее было бледным, глаза красными, словно она не спала всю ночь или... плакала. В руках она теребила край платка, и пальцы ее дрожали мелкой, нервной дрожью.

— Боярыня, — голос ее дрогнул, сорвался на шепот. — Беда. У Прохоровых — всей семьей скосили. За ночь. Семеро, включая младенца. Лекарь был, говорит — порча. А люди бают — ведьма.

Анна медленно встала. Внутри похолодело, но не от холода. Она почувствовала, как кровь отлила от лица, оставляя ледяную пустоту в груди.

— Что за болезнь? Симптомы? Говори точно, не пропуская ни слова.

Устинья переступила с ноги на ногу, собираясь с мыслями. Глаза ее бегали, словно она боялась даже произносить эти слова.

— Сначала рвота. Страшная. Не могли остановиться. Потом слабость, лежали пластом, не вставали. А потом... — она всхлипнула, сглатывая слезы, — кровь из носу, из ушей. И синева. Синева под кожей, словно... словно их изнутри заморозили. Младенца синим нашли, будто он родился в этом цвете.

Метгемоглобинемия. Острая, тяжелая, с летальным исходом в течение нескольких часов. Анна помнила это из курса токсикологии на первом курсе университета. Так действуют нитраты, нитриты, некоторые тяжелые металлы. Но не в XVII веке. Не в такой концентрации. Чтобы убить семерых за ночь, нужна была смертельная доза, сравнимая с промышленным выбросом. Здесь не было заводов. Не было химических комбинатов.

— Вода? — резко спросила она, чувствуя, как ее голос становится жестче, требовательнее. — Что с колодезем у Прохоровых?

— Колодец... — Устинья замаялась, словно не хотела говорить. — Говорят, вода в нем стала мутной, с привкусом железа. Соседи не брали, чуяли неладное, а они пили. Теперь боятся все, боярыня. Боятся колодцев. И тебя боятся.

— Меня? — Анна не поняла, но уже начала догадываться.

— Ты зельями разными занимаешься. Люди говорят, может, от твоих опытов порча пошла. — Устинья опустила глаза. — Прости, боярыня, но такое бают. И чем больше мрут, тем громче.

Анна сжала губы так, что они побелели. Она знала, что слухи ползут быстрее, чем мор. Люди не понимают науки, они видят лишь женщину, которая варит странные жидкости в своей светлице, и делают выводы, которые кажутся им логичными в их мире. Здесь ведьма — это не метафора. Здесь за это сжигают.

Но она знала и другое: это не ее вина. Ее реактивы хранились надежно, в железном сундуке, за тремя замками. Пробы воды, которые она брала для своих опытов, были чисты. Она проверяла их сама, не доверяя никому. И все же яд пришел откуда-то.

— Иди, Устинья, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Скажи людям, чтобы не брали воду из тех колодцев, где вода мутная или с привкусом. Пусть берут только из реки, из прорубей, и кипятят перед тем, как пить. И пришли мне Артема. Срочно.

— Сделаю, боярыня, — ключница поклонилась и исчезла за дверью.

Анна осталась одна в тишине, нарушаемой только потрескиванием углей в печи и равномерным бульканьем реторты. Она подошла к окну и провела пальцем по заиндевевшему стеклу, оставляя прозрачную полосу, сквозь которую было видно двор, занесенный снегом. Метет поземка, замечая следы, стирая границы между домом и внешним миром. Что-то незримое, смертельное просачивалось в их жизнь, как яд сквозь поры.

«Кто?» — спрашивала она себя. «Как?»

Это не могла быть случайность. Не в той концентрации. Не с такими симптомами. Кто-то целенаправленно отравлял колодцы в Белогорье. Но кто? Местные враги? Внешние недоброжелатели? Или... она похолодела при этой мысли... из будущего? Может быть, это «Система» прислала новую, более агрессивную проверку? Или конкуренты «Хроносферы», которые решили действовать грубее, через уничтожение?

Дверь снова открылась, и на пороге появился Артем. Он был в овчинном полушубке, с инеем на бровях, и от него веяло морозным воздухом.

— Звал, боярыня? — спросил он, снимая шапку.

— Артем, — Анна повернулась к нему, ее голос был тверд и холоден, как зимнее утро за окном. — Мне нужно доставить послание в монастырь. Срочное. Письмо для отца Феодосия, для Нестора — лично в руки. Никому больше. И еще — собери трех надежных мужиков, тех,

кому я доверяю. Твоего брата Ерофея, Степана-плотника и старого Онуфрия. Нужно взять пробы воды из каждого колодца в округе. И из реки. И из ручьев. Всех, до единого.

Она подошла к полке, где стояли глиняные кувшины, и сняла один из них.

— Я дам тебе чистые склянки. — Она открыла сундук и достала несколько стеклянных сосудов с притертыми пробками — результат долгих торгов с приезжим мастером. — Делайте все скрытно, как будто проверяете колодцы на «лихую воду». Чтобы никто не знал, зачем вы это делаете. Если кто-то спросит, говорите — боярыня велит проверить, не замёрзли ли колодцы, не забились ли льдом. Понял?

— Понял, боярыня. — Он взял склянки, бережно завернул их в чистую холстину. — А что ищем?

— Привкус железа. Мутность. И любой странный запах. Если найдете что-то необычное — не пейте, не трогайте. Просто приносите мне. И запоминайте место. Важно запоминать.

— Добро, — кивнул Артем. Он не задавал лишних вопросов, за это Анна ценила его больше всех. — Когда принести?

— Как только соберете все пробы. Может, к вечеру. Я буду здесь. И еще — Артем, будь осторожен. То, что убило Прохоровых, может быть не только в воде. Не пробуй ничего на вкус, не нюхай глубоко. Если почувешь запах — отходи.

Кузнец посмотрел на нее, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Но он лишь кивнул:

— Сделаем, боярыня. Не подведем.

Он ушел, оставляя за собой облако холода и запах мороза. Анна осталась одна в своей светлице, которая вдруг показалась ей тесной и душной, несмотря на раскрытую дверцу печи.

Она подошла к столу и посмотрела на записи Нестора. Цифры, расчеты, формулы — все это казалось таким далеким от того, что происходило сейчас. Люди умирали, а она сидела здесь, в безопасности, и перебирала бумаги. Где-то там, в морозной мгле, умирали люди, и их смерть была не случайностью.

Анна снова подошла к окну. Снегопад усилился, за окном уже ничего не было видно, только белая крупа, летящая в косых лучах низкого зимнего солнца. Где-то в этом белом безмолвии медленно умирала целая семья, и она не могла им помочь. Она могла только понять, что убило их, и остановить это.

Глубоко внутри нее зашевелился страх — тот самый, который она загнала в дальний угол сознания еще в первый день своего появления здесь. Страх того, что она не справится. Что ее знаний недостаточно. Что этот мир окажется сильнее нее.

Но следом за страхом пришло другое чувство — холодная, железная решимость, которую она знала по бессонным ночам в лаборатории, когда эксперимент шел не так, и нужно было найти ошибку. Она не поддастся страху. Она будет искать. Она найдет источник отравления. Она спасет этих людей.

И если это действительно «Система», она им покажет, что Белогорье — не легкая добыча.

Анна села за стол, взяла перо и начала писать письмо Нестору. Прямо, без шифра — времени не было. Только факты, только цифры, только расчеты. Ей нужна была его помощь. Ей нужны были его формулы.

В замерзшем воздухе светлицы, среди запахов трав и реактивов, рождалась новая битва — не с мечом и стрелами, а с невидимым ядом, который шел из самой глубины мира, который они пытались изменить.

Глава 2. Цифирь в темнице

Письмо Анны пришло в монастырь к вечеру того же дня. Монах-посыльный — молодой, шустрый, обученный Артемом основам конспирации — вручил его игумену Феодосию, тот, мелькнув встревоженным взглядом, передал сверток Нестору без лишних слов. С тех пор как «бесноватый казначей» стал приносить реальную пользу, Феодосий относился к нему с осторожным уважением, смешанным с холодным любопытством. Он не знал, что именно скрывалось за расчетами и чертежами, но видел результат: улучшенные печи давали меньше брака, водяные колеса работали эффективнее, и даже монастырская кузница выдавала инструменты, каких не видывали в окрестных селах. Феодосий был прагматиком — ему достаточно было того, что это работает.

Нестор сидел в своей просторной келье — уже не камере, но еще не свободе. Три шага от стены до стены, дубовый стол, заваленный чертежами, и узкое окно, сквозь которое сочился серый, скудный зимний свет. В углу, на отдельной полке, хранились его инструменты: циркуль, линейка, деревянные рейсшины, несколько точильных камней для перьев — все, что можно было получить, не вызывая подозрений. Его настоящие сокровища лежали в тайнике под половицей: калькулятор с мертвой батареей, кусочек углеродного волокна от снаряжения Виктора и несколько тетрадей с формулами, переписанными с его памяти в первые, самые безумные дни. Он хранил их как реликвии, как доказательство того, что его прошлая жизнь не была сном. Иногда по ночам он доставал калькулятор и водил пальцем по темному экрану, вспоминая, как когда-то светились эти цифры, как они подчинялись его воле. Теперь это был просто мертвый кусок пластика, но он все равно хранил его, как талисман.

Он развернул письмо Анны. Строчки ее были ровными, но она торопилась — это он понял сразу. Слишком мало чернил, слишком много сжатых фраз, слишком мало воздуха между строк. Он читал быстро, впитывая факты, как сухая глина впитывает воду:

«Семеро мертвы. Симптомы — метгемоглобинемия. Я почти уверена. Это не местное. Кто-то отравил колодец. Или несколько колодцев. Люди боятся. Меня — боятся. Мне нужна твоя логика. Нужны цифры. Мне кажется, это не случайность. Возможно, это связано с теми, кто был раньше — с призраками, или с кем-то еще. Я не знаю. Помогите.»

Он закрыл глаза и откинулся на спинку стула. В голове закрутились шестеренки — его любимый, привычный способ уйти от реальности в мир, где все подчиняется законам. Метгемоглобинемия. Нитриты. Отравление воды. Семеро за одну ночь. Значит, концентрация была высокой. Смертельной. Но как она попала в колодец? Колодец — это замкнутая система. Если бы яд попал в грунтовые воды, то пострадали бы все колодцы на этом участке. Но пострадал только один. Значит, яд был помещен туда целенаправленно. Или, что еще тревожнее, — был там раньше, но что-то заставило его выйти на поверхность именно сейчас.

Он взял чистый лист бересты и начал писать, размышляя вслух, но на бумаге:

«Если яд внесен в колодец, то он должен был быть в жидкой или порошкообразной форме. В жидкой форме он бы быстрее распространился, но его следы быстрее бы ушли. В порошкообразной — медленнее, но держался бы дольше. Отравление случилось за ночь, значит, либо доза была огромной, либо яд был жидким и хорошо растворимым в воде.»

Он перечитал написанное и задумался. Какие нитраты могли дать такой эффект? Аммиачная селитра? Натриевая селитра? Калиевая? В XVII веке их можно было получить только из природных источников — из навоза, из селитряниц, из старых выгребных ям. Но чтобы получить смертельную концентрацию в колодце, нужно было внести туда несколько фунтов чистого вещества. Где его взять в таком количестве? Разложение органики шло медленно, месяцами. А если бы яд был старым, то его концентрация была бы ниже, а симптомы — более стертыми. Здесь же все случилось стремительно.

Он начал новый лист:

«Источники нитратов в природе: 1) Разложение органики (навоз, моча, гниющие остатки) — дает низкие концентрации, медленно. 2) Селитряные залежи — но они редки, и чтобы из них получить яд, нужна переработка. 3) Искусственное производство — но для этого нужны заводы, которых здесь нет.»

Он остановился. Искусственное производство. Заводы. Здесь нет заводов, но может быть что-то похожее. Что-то, что оставляет следы. Что-то, что могло быть создано людьми, которые знают больше, чем должны знать. Он вспомнил о шлаке, который нашла Анна. Оплавленный камень с кристаллической структурой. Это было не местное. Это было из будущего. И если это из будущего, значит, оно связано с теми, кто оставил его здесь. И если они оставили шлак, они могли оставить и другое. Например, емкости с реактивами. Или отходы.

Он взял новый лист и начал писать ответ Анне:

«Анна, я думаю, ты права. Это не случайность. Это связано с теми, кто был здесь. Я предполагаю, что они оставили после себя емкости с реактивами или отходы, которые начали разлагаться, просачиваться в грунт и отравлять воду. Но здесь есть нестыковка: если бы это было просто разложение, то процесс шел бы медленно и концентрация была бы ниже. Смертельная доза за ночь означает, что либо яд был вброшен в колодец недавно, либо источник находится рядом и очень активен. Мне нужны пробы воды. И мне нужна точная карта колодцев и мест, где вы находили шлак. Пришли мне карту, я построю модель распространения.»

Но, написав это, он задумался. А что, если он ошибается? Что, если это не разложение, а что-то другое? Он снова взял письмо Анны и перечитал его внимательнее, обращая внимание на детали, которые мог пропустить в первый раз: «Семеро мертвы», «рвота», «кровь из носу», «синева под кожей». Метгемоглобинемия — да, это точно она. Но что могло вызвать такую острую форму? Обычно для этого нужно длительное воздействие, недели или даже месяцы. Чтобы убить за ночь, нужна была колоссальная доза. Значит, либо яд был очень концентрированным, либо организм жертв был ослаблен чем-то еще. Он задумался. Ослаблен? Чем? Голод? Холод? Болезнь? Он знал, что зима в этом году была суровой, и люди в слободе были слабее обычного. Может быть, это сыграло роль? Но даже ослабленный организм не умирает от такой дозы за несколько часов, если только яд не был смертельным с самого начала.

Он взял еще один лист и начал писать расчеты. Ему нужно было понять, как быстро нитраты превращаются в нитриты в воде, при какой температуре этот процесс ускоряется, и как долго они могут сохраняться в колодце, не теряя своей токсичности. Он работал как автомат, забывая о времени. В его голове цифры складывались в уравнения, уравнения — в графики, графики — в прогнозы. Он видел перед собой не буквы и символы, а живую картину: поток воды, просачивающейся через землю, растворяющей частицы яда, несущей их к колодцу. Он видел эту картину так ясно, словно сам стоял рядом и смотрел, как яд движется к своей цели.

Его прервал стук в дверь. Вошел монах-келейник, низкорослый и сутулый, с лицом, испещренным морщинами, как старая береста.

— Отец игумен велел передать, — сказал он, кланяясь. — К тебе гость. Из стольного города. Княжий гонец.

Нестор нахмурился. Святослав не присылал гонцов просто так. Обычно это были приказы или требования отчетов о «диковинных» механизмах. Но сейчас, в разгар зимы, когда дороги были заметены, гонец мог означать только одно: что-то случилось. Что-то важное. Он отложил перо и встал.

— Пусть войдет.

Гонец был молод, с обветренным лицом и покрытыми инеем бровями. Он снял шапку и низко поклонился.

— Княжич Святослав шлет тебе поклон и весточку. Он желает знать, правда ли, что в Белогорье мор? И правда ли, что боярыня Анна замешана в этом?

Нестор почувствовал, как холод пробежал по его спине. Так вот оно что. Княжич уже прослышал о смерти Прохоровых. И он уже связал это с Анной. Это было опасно — опаснее, чем любой яд.

— Передай княжичу, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо и ровно, — что в Белогорье есть болезнь, но она не от боярыни. Мы ищем ее источник. И скоро найдем.

Гонец посмотрел на него с недоверием, но кивнул и вышел. Нестор остался один, чувствуя, как пот выступает на лбу. Теперь у них было меньше времени, чем он думал. Если княжич пришлет своих людей, они перевернут все вверх дном и только навредят. Он должен был помочь Анне. И он должен был сделать это быстро.

Он сел за стол и продолжил писать, но теперь в его голове появилась новая цель: не просто понять, что случилось, но и найти способ доказать невиновность Анны. Он понимал, что это будет труднее, чем найти яд. Но он знал, что у них есть преимущество — знание. И цифры. Цифры не лгут.

Когда первая свеча догорела, и монах принес новую, Нестор уже сидел над картой Белогорья, которую он перерисовал с монастырских планов и дополнил своими отметками. Он нанес на нее все колодцы, которые знал, все ручьи, все овраги и все места, где находили шлак. Теперь ему нужно было соединить их линиями, показывающими, как яд мог перемещаться.

Он начал с главного: колодец Прохоровых. Где он находился? На восточной окраине слободы, рядом с оврагом. Как яд мог попасть туда? Если он был в жидкой форме, его могли просто вылить в колодец. Но это было бы заметно — кто-то должен был видеть, как кто-то приближается к колодцу. Если он был в порошкообразной форме, его могли бросить в воду, и он бы растворился постепенно. Но тогда отравление было бы медленным, а не таким быстрым.

Он задумался. А что, если яд был не в воде? Что, если он был в пище? Но тогда пострадали бы только те, кто ел эту пищу. Но пострадала вся семья, включая младенца, который пил только молоко. Значит, яд был в воде. Или в воздухе? Но нет, симптомы указывали на отравление через желудочно-кишечный тракт.

Он снова вернулся к своей карте. Колодец Прохоровых. Рядом с ним — овраг, где был найден шлак. Между ними — небольшой ручей, который зимой пересыхал, но летом мог быть полноводным. Если в овраге были отходы, они могли быть смыты в ручей, а ручей мог впадать в колодец? Нет, ручей тек в другую сторону. Он мог впадать в реку, а оттуда — в другие колодцы. Но тогда пострадали бы все колодцы, а не один.

Он провел пальцем по карте, следуя за изгибами ручья. И вдруг он заметил нечто, чего раньше не видел. На карте был отмечен небольшой пруд, рядом с домом Прохоровых. Пруд, который питался от ручья. И из этого пруда, вероятно, брали воду. Но пруд был замерзшим. Если яд был в воде, он должен был быть в пруду, а не в колодце. Но колодец был глубже, и вода в нем была чище. Так почему же пострадал именно он?

Нестор потер глаза, чувствуя, как усталость наваливается на него. Он уже несколько часов сидел над картой, и его мозг начинал отказывать. Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. В темноте перед ним возникли образы — реторты, колбы, цифры, бегущие по экрану. Он снова был в своей лаборатории, в том мире, который уже не существовал. Ему вдруг отчаянно захотелось вернуться туда, к своим приборам, к своей работе, к своей жизни. Но он знал, что это невозможно. Он был здесь. И здесь ему нужно было решить эту задачу.

Он открыл глаза и посмотрел на письмо Анны. Оно лежало на столе, напоминая ему, что кто-то ждет его помощи. Он не мог подвести ее. Он не мог позволить, чтобы еще кто-то умер.

Он взял перо и начал писать ответ, но не то письмо, которое собирался отправить. Это было письмо для себя — расчеты, догадки, предположения. Он записывал все, что приходило ему в голову, не останавливаясь, не редактируя. Он знал, что позже разберется в этом, выделит главное и отбросит лишнее. Но сейчас ему нужно было записать все.

«Предположение 1: Яд был в колодце заранее. Возможно, его туда положили несколько недель назад, но он не проявлял себя, пока не наступили холода. Когда вода в колодце замерзла, лед мог сконцентрировать яд, делая его более опасным.»

Он перечитал это и покачал головой. Это было маловероятно. Лед, концентрирующий яд? Теоретически это возможно, но для этого нужны были очень специфические условия.

«Предположение 2: Яд был в пруду, но затем попал в колодец через грунтовые воды. Однако, как я уже выяснил, грунтовые воды текут в другую сторону.»

Он вздохнул и отложил перо. Его мозг устал, и он знал, что продолжать сейчас бесполезно. Нужно было отдохнуть, чтобы утром начать все сначала. Он встал, потянулся и подошел к окну. За ним была темнота, в которой ничего не было видно, только изредка вспыхивали звезды, пробиваясь сквозь облака. В этой темноте скрывался ответ. Он знал это. Он чувствовал это. Ему просто нужно было дождаться утра.

Когда он уже собирался лечь спать, в дверь постучали. Снова. Это был тот же монах-келейник.

— Прости, брат Нестор, — сказал он, заглядывая в дверь. — Там еще один посыльный. От боярыни. Сказал, что срочно.

Нестор почувствовал, как сердце пропустило удар. Он подошел к двери и взял из рук монаха еще одно письмо. Это был ответ на его предыдущее письмо. Анна прислала карту колодцев и мест, где находили шлак, а также краткую записку: «Это все, что я нашла. Больше ничего нет. Но я думаю, что мы на правильном пути. Пожалуйста, помоги мне».

Он развернул карту. Это была грубая, но точная копия его собственной карты, с добавленными отметками Анны. Она указала, где именно был найден шлак, где были отравленные колодцы, и где находился дом Прохоровых. Когда он увидел карту, он понял, что его ошибка была в том, что он пытался строить модель, не имея всех данных.

Он взял перо и начал писать новое письмо, используя все, что узнал за этот вечер. Он был уверен, что теперь у него есть ключ.

«Анна, я изучил карту. Теперь я вижу картину целиком. Колодец Прохоровых — это не случайность. Он находится на пересечении двух потоков: грунтовых вод, которые текут с запада на восток, и поверхностных вод, которые стекают с холмов в низину. Если в овраге, где найден шлак, есть отходы, они могли быть смыты дождями в низину, а оттуда — в колодец. Но это не объясняет, почему пострадал только один колодец. Возможно, есть и другие, о которых мы не знаем. Нужно проверить все колодцы в радиусе версты от оврага. И еще — нужно взять пробы воды из пруда у дома Прохоровых. Я подозреваю, что именно там находится источник.»

Он запечатал письмо и отдал его посыльному. А затем, наконец, лег на жесткую кровать в углу кельи, чувствуя, как усталость накрывает его. Но даже в полусне перед его глазами стояла карта Белогорья, покрытая линиями и стрелками. Цифры и линии складывались в узор, который он не мог понять. Но он знал, что завтра он найдет ответ. Он всегда находил ответы. Это было его проклятием и его даром.

Когда наступило утро, он проснулся с четким пониманием того, что нужно делать. Он сел за стол и начал писать расчеты, которые пришли к нему во сне. Ему казалось, что он видел во сне решение, и теперь ему нужно было только записать его.

«Если яд был в пруду, то его концентрация должна была быть самой высокой в центре, где вода стояла дольше. Если мы возьмем пробы из центра пруда и с краев, мы сможем определить, есть ли там яд. И если он есть, то мы сможем понять, откуда он взялся.»

Он знал, что это может быть ответом. И он знал, что Анна будет ждать его письма. Он запечатал его и отдал монаху, чувствуя, как в груди поселяется надежда. Он не мог быть уверен, но он был близок. Очень близок. Осталось только проверить.

Глава 3. Следы на снегу

Артем вернулся затемно. Он ввалился в светлицу, стряхивая снег с полушубка, и сразу же, не здороваясь, выложил на стол пять глиняных кувшинов и три стеклянные склянки. На его лице застыло выражение тревоги, смешанной с чем-то, что Анна могла назвать только удивлением. Он был бледен, под глазами залегли темные круги, а на скулах проступил неестественный румянец — следствие долгого пребывания на морозе. Пальцы его, когда он развязывал мешок с образцами, слегка дрожали, но не от холода — от внутреннего напряжения.

— Боярыня, мы все обошли. Тридцать два колодца в слободе, четыре в твоей усадьбе, два в монастыре и все ручьи на полторы версты вокруг. Вот, что нашли.

— Рассказывай, — сказала она, уже беря первую склянку и поднося ее к свету лампы. Вода была кристально чистой, без взвеси, без цвета. Она понюхала ее — никакого запаха. Поставила обратно и взяла следующую. Та же картина. Анна чувствовала, как внутри нее нарастает напряжение. Она ждала, что Артем скажет что-то, что прояснит картину.

— Прохоровы, боярыня. Мы не полезли к ним — побоялись. Но соседи сказали, что там теперь не вода, а какая-то мутная жижа. — Он понизил голос. — Мужики бают, что оттуда пахнет... ну, как будто железо и гниль вместе. Мы не проверяли. Ты же сказала — не пробовать.

Анна кивнула, ставя склянку обратно. Правильно. Он сделал все правильно. Но она чувствовала, что этого недостаточно. Ей нужны были образцы из того колодца. Она знала, что это рискованно, но без них она не сможет понять, что именно произошло. Метгемоглобинемия — да, это очевидно. Но что именно вызвало ее? Нитраты? Нитриты? Что-то еще? Без анализов она только гадала.

— А что с другими колодцами? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри все кипело.

— Еще два колодца, на западной окраине, у овражка. Там вода тоже мутная, но не так сильно. И вкус... — он запнулся, словно боялся сказать, — мы попробовали кончиком языка, как ты велела. Горький. Очень горький. Мы сразу выплюнули, но языки покалывало еще полчаса. Как будто крапивой обожгло.

Горький. Покалывание. Это могло быть что угодно — от солей тяжелых металлов до алкалоидов. Но в колодцах? В таком количестве? Анна взяла один из кувшинов с «горькой» водой и поставила его отдельно. Потом пометила мелом на днище: «Обр. β-1, овраг западный». Она поднесла кувшин к свету, рассматривая жидкость. Вода была мутноватой, с легким желтоватым оттенком, и на поверхности плавали какие-то мелкие частицы, похожие на ржавчину. Она понюхала — запах был слабым, металлическим, но не таким резким, как у колодца Прохоровых.

— А вот это, — Артем достал из-за пазухи что-то, завернутое в тряпицу, и развернул. На столе оказался небольшой кусок странного, спекшегося материала, похожего на оплавленный камень, но с металлическим блеском. — Мы нашли это на дне оврага, где вода просачивалась из-под земли. Я подумал, может, тебе пригодится.

Она взяла его в руки. Он был тяжелее, чем казался, и странно гладким на ощупь, как стекло, но с острыми, кристаллическими гранями. У нее перехватило дыхание. Она видела нечто подобное в лаборатории своего НИИ, когда работала с высокотемпературными сплавами. Шлак. Но не от выплавки обычного железа. Слишком чистый. Слишком ровный. Слишком... неестественный для этой эпохи. Под лупой она разглядела структуру — микроскопические пузырьки, вытянутые вдоль одного направления, словно застывшие в момент быстрого охлаждения. Это был не просто шлак. Это был остаточный продукт плавки при температурах, которые невозможно достичь в обычной печи XVII века.

— Артем, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нем прорезались стальные нотки. — Ты гений. Ты просто не знаешь об этом.

Кузнец смущенно улыбнулся и отвел глаза. Он не привык к похвале, особенно от боярыни.

— Я так понял, это не просто так, — пробормотал он. — Мы и сами видали всякое. Но такого — нет. Я в кузнице своей всякое переплавлял, и железа, и меди, и даже серебро пробовал. Но такого стекла-камня никогда не видел. Он будто на огне вырос, но не от угля, а от чего-то другого.

— Где именно вы это нашли? — Она взяла в руки чистый пергамент и уголь, чтобы зарисовать овраг и обозначить место находки. — Ты помнишь? Точно?

— Помню, боярыня. Западный овраг, тот, что за старой мельницей. Мы хотели взять воду из родника у самого дна, а там... там земля в том месте была прожжена, как будто что-то горячее падало сверху. И этот кусок лежал прямо в грязи. — Он почесал затылок. — Может, звезда упала? У нас летом падучие звезды бывают, мужики говорят, это не к добру. А еще брат мой Ерофей говорит, что в том месте земля не промерзает до самого января. Как будто под ней что-то теплое есть.

Анна замерла. Падающая звезда? Возможно. Но в XVII веке никто не знал, что метеоритный металл — это просто никелистое железо. Он не оставляет шлака с кристаллической структурой, которую она видела. Это было что-то другое. Что-то, что требовало нагрева до тысяч градусов в атмосфере, но без доступа кислорода. Как в электродуговой печи. И то, что земля не промерзает, говорило о том, что под ней до сих пор есть источник тепла. Слабый, но постоянный. Это могло быть только одно — что-то, что производит тепло в течение нескольких месяцев.

«Система», — пронеслось у нее в голове. — «Они сжигали что-то здесь. Оборудование. Или отходы. Или... что-то, что продолжает выделять тепло до сих пор. Что-то, что не остыло за полгода.»

Она резко обернулась к Артему:

— Ты никому не говорил о находке?

— Нет, боярыня. Только тебе. И брату моему, Ерофею, он видел, как я поднял. Но он молчать будет. Он мужик надежный, я за него ручаюсь. Мы с ним с детства вместе, он никому не скажет.

— Хорошо. Запомни: ты ничего не находил. Это был просто странный камень, который ты решил показать мне, потому что я люблю диковины. Понял? Если кто-то спросит — ты нашел его на краю поля, и он просто блестел. Не на дне оврага, не у родника, а на краю поля, где мы с тобой недавно проезжали. И не говори никому, что земля там не промерзает. Это наша тайна.

Артем серьезно кивнул. В его глазах мелькнула тень страха, но он быстро подавил ее.

— Ничего не находили, — повторил он, как заученную молитву. — Обычный камень, показали боярыне.

— Теперь иди. Отдыхай. Завтра будет новый день. И еще — передай брату, чтобы он тоже молчал. Если кто-то спросит, вы просто ходили смотреть колодцы, как я велела. И ничего больше.

Он ушел, оставляя за собой запах мороза и сырого овчинного полушубка. Анна осталась одна с находкой. Она поднесла шлак к свету лампы, рассматривая под лупой его структуру. Микроскопические пузырьки, вытянутые вдоль одного направления. Застывало при быстром охлаждении. Это точно был остаточный продукт плавки. Но чего? Она не могла определить без анализов. Но могла предположить. Могла начать строить цепочку.

Вода. Отравление. Шлак. Все это было связано. Кто-то оставил здесь следы своей деятельности — деятельности, которая требовала высоких температур и производила токсичные

отходы. И эти отходы попали в грунтовые воды. И через колодцы — в людей. Но почему сейчас? Если отходы лежали здесь несколько месяцев, то почему отравление случилось только теперь? Что изменилось?

Она задумалась, перебирая в уме возможные варианты. Мороз. Земля промерзла. Если отходы были на поверхности, то они могли быть заморожены. Но когда наступили холода, что-то могло разморозить их. Тепло, которое исходит из земли. Если там есть источник тепла, он мог растопить лед вокруг себя, и тогда отходы начали просачиваться в воду. Это объясняло бы, почему отравление началось именно зимой. И почему земля в овраге не промерзает.

Теперь у нее не было сомнений: это дело рук не местных злоумышленников. Здесь пахло технологией будущего. И она должна была понять, кто и зачем пришел в ее время. И самое главное — как остановить этот яд.

Она взяла перо и начала писать второе письмо — Виктору. Короткое, шифрованное, на смеси английских слов и греческих символов:

«Обнаружены следы высокотемпературного процесса. Координаты — западный овраг, старый родник. Возможно, остатки оборудования или отходов. Срочно нужна консультация. Это может быть новая угроза. Приходи как сможешь. В овраге земля не промерзает — это важно. Возможно, под ней что-то есть».

Она свернула письмо и запечатала воском, оттиснув печаткой с гербом — перекрещенными колосьями и реторгой. Символом ее двойной жизни. Она не знала, сможет ли Виктор прийти сегодня — он мог быть далеко, следуя за другими следами. Но она надеялась, что он получит письмо и придет. Им нужно было действовать быстро.

На улице уже совсем стемнело. Снегопад прекратился, и в морозном воздухе повисла странная, прозрачная тишина. Анна подошла к окну и посмотрела на звезды, которые казались здесь такими яркими, такими близкими, что можно было протянуть руку и коснуться их. Где-то там, в этой бесконечной глубине, заканчивался их мир. Где-то там начиналось то, что она когда-то знала как будущее. И оттуда пришел этот яд. Оттуда пришла смерть.

Она не знала, выживет ли Белогорье этой зимой. Но она знала, что будет бороться. За каждую каплю воды. За каждую жизнь. За каждое слово, записанное на бересте и в ее дневнике. Она чувствовала, как внутри нее поднимается холодная ярость. Кто-то из будущего оставил здесь свой яд. И теперь этот яд убивал людей. Она найдет его источник. Она остановит его. Даже если для этого ей придется столкнуться с теми, кто пришел из ее времени.

Она взяла шлак и положила его в железную шкатулку, которую хранила для самых важных образцов. Потом села за стол и начала записывать все, что узнала. Она не могла позволить себе забыть ни одной детали. Ей нужно было понять, что произошло. И она знала, что ответ придет. Рано или поздно.

Но пока она писала, ее мысли возвращались к одному и тому же вопросу: кто оставил этот яд? И почему? Это была не случайность. Это был выбор. Кто-то знал, что здесь есть колодцы. Кто-то знал, что люди будут пить из них. И кто-то сделал это намеренно. Но зачем? Чтобы уничтожить Белогорье? Чтобы уничтожить ее? Или чтобы послать ей сообщение?

Она не знала ответа. Но она знала, что должна его найти. Даже если это будет стоить ей жизни.

Глава 4. Две тени на морозе

Виктор появился на следующую ночь. Анна уже привыкла к его бесшумному появлению — он всегда возникал из темноты, как призрак, и исчезал так же внезапно. Но в этот раз что-то было иначе. Он вошел в светлицу не сразу, а долго стоял за дверью, словно прислушиваясь к чему-то. Потом наконец шагнул внутрь, и Анна увидела, что его лицо покрыто коркой льда — он шел издалека, через лес, без троп, и морозный воздух превратил его дыхание в иней на ресницах и бровях. Он был бледен, губы его потрескались, а на скулах горел неестественный румянец — следствие долгого пребывания на холоде.

— Ты замерз, — сказала она, указывая на печь. — Садись, отогрейся.

— Нет времени, — ответил он, но все же подошел к печи и протянул руки к огню. Его пальцы, когда он снимал рукавицы, были белыми, почти прозрачными — верный признак начинающегося обморожения. Он растирал их, не отводя взгляда от пламени. — Я нашел место. То самое, о котором ты писала. Овраг. Там есть следы, которых не должно быть.

— Рассказывай, — сказала она, чувствуя, как внутри нее нарастает напряжение. Она подошла ближе, вглядываясь в его лицо, пытаясь понять, что он видел, что заставило его так замерзнуть, что он не мог ждать до утра.

Он повернулся к ней, и его глаза блеснули в свете пламени — не от огня, а от внутреннего возбуждения, которое он пытался скрыть.

— Я обследовал овраг. Там, где Артем нашел шлак, есть углубление — как будто что-то тяжелое стояло на земле долгое время. Земля продавлена, и по краям — следы коррозии. Необычной коррозии. Металл разъело так, что он превратился в порошок. — Он помолчал, собираясь с мыслями, потом достал из кармана маленький мешочек и протянул ей. — Я взял образец. Вот.

Анна открыла его, высыпала на ладонь горстку темно-рыжего порошка. Он пах железом и чем-то кислым — запахом, который она знала по своей лаборатории, когда работала с агрессивными растворами. Она поднесла его к свету. Частицы были мелкими, почти как песок, но на ощупь — липкими, маслянистыми, словно пропитанными какой-то жидкостью. Она потерла их пальцами — они не рассыпались, а прилипали к коже, оставляя коричневатый след.

— Это не просто коррозия, — сказала она, чувствуя, как холод пробегает по спине. — Это что-то химическое. Кислотное воздействие. Если металл был здесь долгое время, и на него попадали кислоты... Остатки реактивов, которые использовались для очистки оборудования или для каких-то экспериментов. Они могли просочиться в землю, а потом — в воду. Но здесь концентрация слишком высокая для случайного разлива. Это было систематическое воздействие.

— Именно, — кивнул Виктор. Он снял плащ и повесил его на гвоздь у двери, стряхивая натекший на пол снег. — Я думаю, здесь была временная база. Возможно, те самые «призраки», которых мы перехитрили у «Чертова городища», оставили здесь часть своего оборудования. Или уничтожили его, когда уходили. Но они не учли, что отходы останутся. Или учли, но не придали значения. Для них это был мусор. Для нас — яд.

— Что же они уничтожали? — спросила Анна, чувствуя, как в груди разрастается ледяной ком. — Что могло оставить такие следы? Кислоты, которые разъедают металл до состояния пыли, — это не просто реактивы. Это что-то очень агрессивное. Может быть, батареи? Или источники питания? Что-то, что содержало электролиты?

Виктор пожал плечами, но в его глазах мелькнула тень узнавания.

— Может быть, лабораторное оборудование. Или источники питания. Или... — он замолчал, обдумывая, и его лицо стало еще более серьезным. — Или контейнеры с реактивами. Если они не могли забрать их с собой, они уничтожили их на месте. Чтобы не оставлять улики. В моем времени мы делали так же — если оборудование нельзя эвакуировать, его уничтожают, чтобы оно не досталось врагу. Но здесь не было врага. Здесь были только мы.

— Но они оставили улики, — горько усмехнулась Анна. — Они оставили яд, который убивает людей. И теперь нам нужно найти способ остановить его. Ты видел что-то еще? Кроме этого порошка и продавленной земли?

Виктор кивнул, подходя ближе к столу и рассматривая разложенные образцы Анны.

— Да. Я обошел весь овраг. Там есть несколько мест, где земля прожжена, как будто что-то горячее падало сверху. Я насчитал пять таких пятен. Все они находятся на дне оврага, вдоль линии старого русла. И еще — я нашел это. — Он достал из кармана еще один предмет, завернутый в тряпицу, и развернул его. На столе оказался небольшой кусок стекла, но не обычного

— а мутного, почти непрозрачного, с пузырьками внутри. — Это похоже на стекло, но не от бутылки. Я думаю, это часть какого-то прибора. Оптика, возможно. Или экран.

Анна взяла его в руки. Стекло было тяжелым, с одной стороны гладким, с другой — шероховатым, словно его оплавляли. Под лупой она разглядела едва заметные полосы — словно от линзы. Она поднесла его к свету — он преломлял лучи, создавая радужные блики на стене.

— Это могла быть часть сканера или прибора наблюдения, — сказала она, чувствуя, как внутри нее все холодеет. — Если они оставили здесь оборудование, то почему они не забрали его с собой? Почему они уничтожили его на месте?

— Потому что они не могли его забрать, — ответил Виктор. — Возможно, оно было повреждено. Или слишком тяжелым, чтобы нести через лес. Или... — он замолчал, и в его глазах мелькнуло что-то, чего Анна раньше не видела, — или они не хотели, чтобы оно попало в чужие руки. В том числе и в наши.

Они стояли друг напротив друга в тишине, нарушаемой только треском дров в печи и завыванием ветра за окном. Два попаданца — один из прошлого, другой из будущего, — объединенные общей угрозой. Анна чувствовала, как между ними нарастает напряжение, как будто воздух в комнате сгущается.

— Я найду источник, — сказал наконец Виктор, и его голос прозвучал жестко, почти агрессивно. — Я знаю, где искать. В овраге есть старая штольня, которая ведет под землю. Я видел ее. Возможно, там и было оборудование. Я спущусь туда и проверю.

— Нет, — резко сказала Анна, чувствуя, как в ней поднимается гнев. — Ты не знаешь, что там. Могут быть обвалы. Может быть, что-то, что выделяет ядовитые газы. Или что-то, что уже разложилось и стало опасным. Мы не рискуем. Мы и так потеряли слишком много времени и людей.

— Мы уже рискуем, — ответил он, и в его голосе послышалось раздражение — он не привык, чтобы ему перечили. — Каждый день, когда мы ничего не делаем, кто-то может умереть. Я солдат, я знаю, как действовать в таких условиях. Я обучен работе в зонах химического заражения. У меня есть навыки, которых нет у тебя.

— Это не поле боя! — возразила она, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Это не война. Это химия. И если ты полезешь туда без подготовки, без данных, без расчетов, ты просто умрешь. Или станешь еще одним отравленным. А мне это не нужно. Я не могу потерять еще одного человека.

Он посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. В его глазах читалась борьба — между военной дисциплиной и ее логикой. Между необходимостью действовать и осторожностью. Между его воспитанием и ее опытом.

— Хорошо, — сказал он наконец, и в его голосе послышалось смирение, но не согласие. — Мы сделаем, по-твоему. Сначала — пробы, потом — план. Но если через два дня мы не продвинемся, я спущусь туда. С тобой или без тебя. Я не могу сидеть сложа руки, когда люди умирают.

— Два дня, — согласилась Анна, чувствуя, как усталость наваливается на нее. — Я свяжусь с Нестором. Он сможет рассчитать, что там, на основе проб. А ты — следи за оврагом. Если там кто-то появится, дай знать. Если что-то изменится — дай знать. Но не лезь туда без меня.

Виктор кивнул, надел свой маскировочный плащ и исчез в ночи так же бесшумно, как и появился. Анна осталась одна, глядя на горстку ржавого порошка на столе, на кусок мутного стекла и на пробы воды, разложенные в ряд. Она чувствовала, как внутри нее растет тяжесть — не физическая, а та, что давит на душу. Это было только начало. Они нашли след. Но след мог вести в бездну.

Она села за стол и взяла перо, чтобы записать все, что узнала от Виктора. Но рука ее дрожала, и строчки выходили кривыми, неровными. Она знала, что должна быть сильной, что

должна верить в себя и в то, что они смогут остановить яд. Но внутри нее жил холодный страх — страх того, что они не успеют, что кто-то еще умрет, и что это будет ее вина.

Она отложила перо и подошла к окну. За ним была темнота, в которой ничего не было видно, только изредка вспыхивали звезды, пробиваясь сквозь облака. Где-то там, в этой темноте, был Виктор. Где-то там был яд. И где-то там был ответ. Ей оставалось только найти его.

Глава 5. Письмо из монастыря

Ответ Нестора пришел на следующее утро. Анна не спала почти всю ночь — тревога и холодное возбуждение не давали ей сомкнуть глаз. Она несколько раз перечитывала письмо Виктора, разглядывала шлак под лупой, перебирала пробы воды, пытаясь найти связь, которую могла упустить. Но ответ не приходил. Она чувствовала себя слепой, ошупывающей незнакомую комнату в полной темноте. И только под утро, когда за окном начало сереть, она провалилась в тяжелый, тревожный сон, полный образов отравленных колодцев и мертвых младенцев.

Проснулась она от стука — настойчивого, требовательного. Это был посыльный из монастыря. Он стоял на пороге, иней на его бороде сверкал в утреннем свете, а в руках он держал плотный сверток, запечатанный воском с монастырской печатью. Анна взяла его дрожащими пальцами, чувствуя, как сердце колотится в груди. Она разорвала печать и развернула бересту. Письмо было длинным и подробным — исписанная береста, сложенная в несколько раз, с аккуратным, каллиграфическим почерком Нестора, который стал таким ровным и уверенным за последние месяцы. Она читала, и каждое слово отдавалось в ней холодом.

«Анна, твоя догадка верна. Это не случайность. Я изучил карту, которую ты прислала, и построил модель распространения нитратов в грунтовых водах. Вот что у меня получилось: овраг, где нашли шлак, находится выше по склону, чем колодец Прохоровых. Но если учесть направление подземных потоков (они идут с юго-запада на северо-восток), то овраг не попадает в зону питания колодца. Значит, яд попал в колодец не через грунтовые воды. Он был внесен туда искусственно.»

Она перечитала это место дважды, и каждый раз слова врезались в сознание, как лезвие ножа. Искусственно. Значит, кто-то вручную добавил яд в колодец Прохоровых. Не случайность, не разложение отходов, а намеренное действие. Но кто? И зачем? И, главное, где он взял такой яд? Это не мог быть местный житель — у них не было ни знаний, ни доступа к таким веществам. Это не мог быть случайный странник — он не знал бы, где искать колодец. Это был кто-то, кто знал Белогорье. Кто знал людей. Кто знал ее.

«Но это не означает, что шлак не связан с отравлением. Я думаю, что шлак — это след более раннего события. Возможно, здесь уничтожали оборудование, и в результате образовались токсичные отходы. Эти отходы могли быть захоронены неподалеку. А затем, зимой, когда земля промерзла, кто-то нашел их и использовал для отравления. Или же они начали разлагаться и выделять нитраты в окружающую среду. Но для этого нужно время — не дни, а месяцы. Если я прав, то яд мог лежать в земле с лета, а когда наступили холода, что-то изменилось — возможно, замерзание грунта нарушило герметичность захоронения, и яд начал выходить на поверхность.»

Она задумалась, глядя на строчки, выведенные ровным, уверенным почерком. Месяцы. Если они здесь были летом, а сейчас зима, то прошло как раз несколько месяцев. Значит, это мог быть процесс разложения, который ускорился из-за холода? Или из-за таяния снега? Но снег только выпал. Он еще не таял. И все же Нестор был прав: что-то должно было измениться, чтобы яд начал действовать именно сейчас. Она вспомнила слова Артема о том, что земля в овраге не промерзает. Что, если это было связано? Если под землей был источник тепла, который разморозил отходы и позволил им просочиться в воду? Это объясняло бы все: почему отравление началось именно зимой, почему пострадал только один колодец и почему земля в овраге остается теплой. Но это также означало, что под землей все еще есть что-то активное. Что-то, что продолжает работать. Или, что еще страшнее, что-то, что уже разложилось до состояния, в котором стало опасно.

«Я бы предложил следующее: возьми пробы воды не только из колодцев, но и из верхнего слоя земли вокруг оврага. Возможно, там есть остатки, которые можно обнаружить визуально

или по запаху. Если ты найдешь место, где земля изменила цвет — стала темнее или светлее, или на ней появился белый налет — это может быть следом разложения. И еще — если ты сможешь найти место, где сжигали или захоронили отходы, я смогу рассчитать, сколько времени прошло, и что это могло быть. Мне нужны будут координаты точного места.»

Она отложила письмо и подошла к окну. За ним был белый мир, который казался спокойным и безмятежным. Солнце поднялось выше, заливая снег холодным серебряным светом, и на мгновение Анне показалось, что все это — просто плохой сон, что она сейчас проснется в своей московской квартире, и ничего этого не было. Но реальность была жесткой и холодной, как этот зимний день. Под этим снегом, под этой землей, таилась опасность, которая уже убила семерых и могла убить еще больше. И ей нужно было найти ее, прежде чем она убьет снова.

Она повернулась к столу и взяла перо. Ей нужно было ответить Нестору. И нужно было найти место захоронения. Для этого она должна была отправиться в овраг снова. Одна. Или с Виктором. Но Виктор был где-то в лесу, и она не знала, когда он вернется.

Она написала короткое письмо:

«Нестор, я поняла. Мы найдем место захоронения. Я пойду в овраг завтра. Но мне нужна будет твоя помощь — ты должен объяснить, как взять пробы почвы так, чтобы они были пригодны для анализа. Я сделаю все, как ты скажешь. Жди вестей.»

Она запечатала письмо и отдала его посыльному. А затем начала готовиться к завтрашней вылазке — самой опасной за все время, что она провела в этом мире. Она знала, что может найти там нечто, что перевернет ее представление о происходящем. Она знала, что это может быть ловушкой. Но она не могла сидеть сложа руки, пока люди умирали.

Она взяла чистую холстину, завернула в нее несколько чистых склянок для проб, положила в котомку лопату и нож, которые Артем выковал для нее по особому заказу, и добавила кусок чистого пергамента для записей. Она была готова. Но внутри нее жил страх — страх того, что она не найдет ничего, и страх того, что она найдет слишком много.

Когда она вышла из светлицы, мороз ударил в лицо, обжигая щеки. Снег скрипел под ногами, и в воздухе стояла та особенная тишина, которая бывает только в ясные зимние дни, когда звуки разносятся далеко и отчетливо. Она прошла через двор, мимо амбара и конюшни, и вышла за ворота усадьбы. Овраг был в полуверсте к западу — недалеко, но путь был тяжелым из-за снега, который местами доходил до колен.

Она шла медленно, внимательно глядя под ноги. Следов на снегу было много — заячьи, лисьи, иногда — ветки, упавшие с деревьев от тяжести снега. Но среди них были и другие — странные следы, не похожие на звериные. Они вели от оврага к лесу и терялись в чаще. Анна остановилась, присела на корточки и внимательно рассмотрела их. Они были свежими — края еще не оплыли от мороза. И они были человеческими. Но не обычными — слишком ровные, слишком глубокие, словно кто-то шел с тяжелой ношей. Или крался.

Она поднялась и пошла дальше, но теперь ее шаги стали осторожнее. Она знала, что кто-то был здесь. И этот кто-то мог быть где-то рядом. Она сжала в руке нож, который лежал в кармане, и продолжила путь.

Когда она достигла края оврага, сердце ее колотилось так сильно, что она слышала его в ушах. Внизу было темно, даже несмотря на яркий солнечный свет. Снег здесь был странным — не белым, а сероватым, с желтоватым оттенком, как будто его смешали с пеплом. Она спустилась вниз, держась за корни кустов, и оказалась на дне оврага.

Тишина здесь была другой — не такой звонкой, как наверху, а глухой, давящей, словно овраг поглощал все звуки. Она огляделась. Земля под ногами была темной и влажной, несмотря на мороз, а в центре оврага зияла черная яма — вход в старую штольню, о которой говорил Виктор. Анна подошла ближе и заглянула внутрь. Там было темно, и оттуда веяло теплом — странным, неестественным теплом, которое не должно было быть в зимнем лесу.

Она опустилась на колени и зачерпнула горсть земли рядом со входом. Она была теплой на ощупь и пахла чем-то металлическим и сладковатым одновременно. Она завернула пробу в чистую тряпицу и положила в котомку. Потом достала склянку и набрала воды из лужицы, которая образовалась у входа — вода была мутной, с белым налетом на поверхности. Она тоже отправила в котомку.

Она хотела уже уйти, но что-то заставило ее замереть. Она услышала звук — легкий, едва различимый, похожий на скрип снега. Она обернулась. На краю оврага стояла фигура — темная, неподвижная, и смотрела прямо на нее. Анна не видела лица, но чувствовала, что этот человек наблюдает за ней. Она сжала нож в руке, готовая к защите. Но фигура не двинулась. Она просто стояла, и смотрела. А потом, так же бесшумно, как появилась, исчезла за деревьями.

Анна стояла, чувствуя, как сердце колотится о ребра. Она не знала, кто это был — Виктор, следивший за ней? Или кто-то другой? Она не знала, что делать — идти за ним или возвращаться в усадьбу. Но она знала, что теперь у нее есть доказательства. Пробы земли и воды. И она знала, что должна вернуться и рассказать об этом Нестору. Она повернулась и быстро пошла обратно, чувствуя на себе чужой взгляд сквозь деревья.

Глава 6. Овраг. Пробы и откровения

Следующее утро выдалось ясным и морозным. Солнце висело низко над горизонтом, бледное и холодное, как ледяная монета, брошенная на синее сукно неба. Воздух был таким прозрачным и звонким, что каждый звук разносился на версту — скрип снега под ногами, дыхание, редкий крик вороны. Анна, Артем и Виктор шли по заснеженному лесу к западному оврагу. Виктор шел впереди, прокладывая путь, его фигура в белом маскировочном плаще почти сливалась со снегом. За ним Анна, тяжело дышащая на морозе, пар вырывался изо рта клубами, оседая инеем на воротнике шубейки. Артем замыкал шествие, неся на плече лопату и ворох чистых холщовых мешков для проб. Он был молчалив и сосредоточен, его глаза внимательно оглядывали деревья по сторонам — он все еще помнил о том, что в лесу могут быть чужие следы.

— Здесь, — сказал Виктор, когда они остановились у края оврага. Склон был крутым, поросшим кустарником, покрытым инеем, и спуск казался опасным — корни торчали из-под снега, камни были скользкими. Внизу темнело углубление — то самое место, где Артем нашел шлак. Анна прищурилась, вглядываясь вниз. Ей показалось, что оттуда поднимается легкий пар — едва заметный, но неестественный для такого мороза.

— Спускаемся, — сказала она, чувствуя, как сердце колотится от холода и волнения. Она знала, что они на правильном пути. Она чувствовала это каждой клеткой тела.

Они спустились по склону, держась за корни и камни, скользя по обледенелым участкам. Внизу было сыро, пахло прелой землей и еще чем-то — кислым, металлическим, резким, как запах старой батареи или пролитого электролита. Анна сразу узнала этот запах. Это было похоже на лабораторию после долгого эксперимента, когда воздух пропитан парами реактивов, и кажется, что он оседает на коже. Она поежилась, чувствуя, как холодный пот выступает на спине.

— Здесь, — повторил Виктор, указывая на углубление в земле, где снег был не белым, а желтоватым, как будто пропитанным чем-то. — Я копнул немного, когда был здесь в прошлый раз. Там что-то есть. Что-то, что не должно быть здесь.

Анна подошла и опустилась на колени. Земля здесь была рыхлой, не промерзшей до конца, как будто под ней что-то грело ее изнутри. Она провела рукой по поверхности и ощутила тепло. Слабое, едва заметное, но оно было — неестественное тепло, которое не могло объясняться ни солнечным светом, ни геотермальными источниками. Она знала, что это значит. Под землей было что-то, что продолжало работать. Или разлагаться. Или и то, и другое одновременно.

— Здесь что-то лежит, — сказала она, и голос ее дрогнул. — И оно теплое. Оно не остыло за все это время.

Артем подошел с лопатой, снял рукавицы и начал осторожно копать. Снег, земля, еще земля — лопата врезалась в мерзлый верхний слой, потом пошла легче. И вдруг лопата ударилась о твердую поверхность с глухим, металлическим звуком, который эхом разнесся по оврагу. Артем отбросил лопату и начал разгребать землю руками, обнажая поверхность.

— Есть, боярыня. Что-то твердое. Металлическое.

Они откопали металлический ящик, небольшой, размером с большой сундук, но сделанный из странного, матового металла, который не ржавел, а покрывался белым налетом, похожим на соль или на иней, который не таял на морозе. Анна провела пальцем по поверхности — налет был рыхлым и горьким на вкус, когда она случайно коснулась его языком, проверяя. Она поморщилась — вкус был резким, химическим, напоминающим нашатырь и железо одновременно.

— Это не просто металл, — сказала она, поднимаясь на ноги и отряхивая колени. — Это что-то вроде контейнера для реактивов. Он герметичный. Или был герметичным. Но, видимо, он был поврежден — видите, здесь, на углу, вмятина, и по краям следы коррозии. Его содержимое вытекло наружу.

Виктор подошел ближе, осмотрел ящик со всех сторон, даже присел на корточки, чтобы заглянуть под него. Его лицо, когда он выпрямился, было бледным, а в глазах застыло выражение, которое Анна видела у него только один раз — когда они обсуждали возможное возвращение «призраков».

— Я видел такие в своем времени, — сказал он тихо, почти шепотом, словно боялся, что его услышат. — Это контейнер для транспортировки опасных веществ. Они делали их герметичными, но, если на них попадет кислота или они будут долго лежать в агрессивной среде, они начинают разлагаться. Их корпус сделан из специального сплава, устойчивого к большинству сред, но не к длительному контакту с влагой. И если он поврежден... — он замолчал, давая ей возможность осознать, — тогда содержимое выходит наружу.

— Что в нем могло быть? — спросила Анна, чувствуя, как внутри нее растет ледяное спокойствие — то самое, которое приходило к ней в самые опасные моменты, когда эмоции отключались, и оставался только холодный расчет.

— Нитраты, — ответил он, и голос его был твердым, как сталь. — Скорее всего, аммиачная селитра. Ее использовали в некоторых источниках питания для оборудования, которое мы применяли в полевых условиях. Она стабильна в сухом виде, но, если она долго лежит в воде или во влажной среде, она начинает разлагаться, превращаясь в нитриты. А нитриты в больших концентрациях — это яд. Быстрый, смертельный. Именно те симптомы, которые описала Устинья.

Анна вздохнула, и ее дыхание вырвалось облаком пара в морозном воздухе. Теперь все сходилось. Ящик с аммиачной селитрой, который был поврежден, начал разлагаться под воздействием влаги. Содержимое вытекло в землю, потом в грунтовые воды, потом в колодцы. Но только в те, которые были рядом. И если ящик был здесь несколько месяцев, то к зиме концентрация нитритов в окружающей среде стала смертельной. Но почему именно сейчас? Почему отравление случилось именно этой зимой, а не раньше? Она поделилась своими сомнениями с Виктором.

— Земля промерзла, — ответил он. — Когда она замерзла, она перестала пропускать воду. Но контейнер продолжал выделять тепло из-за химической реакции разложения. Это тепло растопило землю вокруг него, создав карман с жидкой водой и ядом. А когда наступили холода, этот карман промерз, расколол контейнер, и яд вырвался наружу, попав в грунтовые воды. Именно поэтому отравление началось зимой, а не летом.

Анна закрыла глаза на мгновение, переваривая информацию. Все вставало на свои места. Она открыла глаза и посмотрела на Виктора.

— Мы должны убрать это, — сказала она. — Убрать и уничтожить, как можно безопаснее. Мы не можем оставить это здесь — оно продолжит отравлять землю и воду, и люди будут умирать снова и снова.

— Это рискованно, — предупредил Виктор, и его голос стал еще более серьезным. — Если мы откроем ящик, содержимое может высыпаться или выделить ядовитые пары. Аммиачная селитра при разложении выделяет оксиды азота — они токсичны, особенно в замкнутом пространстве. Если мы нарушим герметичность, мы можем отравиться сами.

— Тогда мы не будем его открывать, — ответила Анна, чувствуя, как ее голос становится тверже, решительнее. — Мы просто... закопаем его глубже. Или вывезем отсюда. Но сначала — пробы. Артем, помоги мне зачерпнуть немного земли из-под ящика. Мне нужно знать, что там, как далеко распространилось загрязнение.

Артем подошел, опустился на колени и начал осторожно зачерпывать землю из-под ящика, складывая образцы в чистые мешки. Анна внимательно следила за ним, замечая, как земля меняет цвет от темно-коричневого до почти черного на глубине, и как она пахнет — резко, химически, почти удушающе. Когда он закончил, она аккуратно завязала каждый мешок, подписав их углем: «Обр. 4. Земля под ящиком, глубина 5 см», «Обр. 5. Земля под ящиком, глубина 20 см», «Обр. 6. Земля под ящиком, глубина 40 см».

Они собрали образцы и аккуратно засыпали ящик обратно, стараясь не оставлять следов, чтобы не привлекать внимания. Когда они поднялись наверх, солнце уже клонилось к закату, бросая длинные синие тени на снег. В лесу стало тихо, только редкий ветер шевелил ветки, сбрасывая с них снежные шапки. Анна оглянулась на овраг, и ей показалось, что она видит, как оттуда поднимается слабый пар, похожий на дыхание спящего зверя. Она поежилась и отвернулась.

— Мы нашли его, — сказала она тихо, когда они шли обратно к усадьбе. — Теперь осталось понять, как убрать его незаметно и не навредить. И как объяснить людям, что это не колдовство, а просто опасный предмет, который попал к нам случайно.

— И как успокоить людей, — добавил Артем, неся на плече лопату и мешки с образцами. — Они боятся. Они уже связали болезнь с тобой, боярыня. И если они узнают, что мы что-то копали в овраге, они могут решить, что это мы все и подстроили. Что мы — ведьмы и колдуны, отравляющие колодцы, чтобы потом кого-то лечить.

Анна почувствовала, как тяжесть снова опускается на ее плечи. Она нашла источник яда. Но это было только началом. Теперь предстояло самое трудное — убрать его, не вызвав паники, и остановить отравление, пока не умерли новые люди. Она знала, что должна действовать быстро, но осторожно. И она знала, что не может сделать это в одиночку.

Когда они вернулись в усадьбу, Анна долго сидела в своей светлице, глядя на образцы, разложенные на столе. Она взяла один из них — землю, пропитанную ядом — и поднесла к носу. Сладковатый, химический запах. Запах смерти. Но она знала, что может победить его. Если только успеет. Она чувствовала, как внутри нее нарастает холодная ярость — на тех, кто оставил здесь этот яд, на себя за то, что не нашла его раньше, на этот мир, который был таким жестоким и несправедливым. Но она не позволяла себе утонуть в этой ярости. Она превратила ее в холодную решимость.

Она взяла перо и начала писать Нестору: «Мы нашли ящик. Скорее всего, там была аммиачная селитра. Она разложилась, попала в грунт, а оттуда — в колодцы. Теперь нам нужно убрать ее. Как? Давай расчеты, как безопасно извлечь и уничтожить. И, пожалуйста, быстро. Время уходит. Люди боятся. И я боюсь, что они начнут действовать, если мы не успеем».

Глава 7. Ночной совет

Ответ Нестора пришел не через день, как обычно, а уже к вечеру того же дня. Монах-посыльный, запыхавшийся и раскрасневшийся от быстрой езды, передал Анне увесистый сверток, запечатанный аж тремя печатями — так Нестор обозначал особую срочность. Анна развернула бересту дрожащими от нетерпения пальцами и начала читать при свете масляной лампы, чувствуя, как внутри нее нарастает напряжение. Она знала, что Нестор не стал бы тратить три печати просто так — значит, случилось что-то важное. Что-то, что требовало немедленного внимания.

«Анна, я сделал расчеты. Вот что нужно сделать:

1. Ящик нельзя выкапывать и перемещать в том состоянии, в котором он сейчас находится. Если его содержимое — аммиачная селитра, то при контакте с воздухом и влагой она может начать активно разлагаться, выделяя оксиды азота. Это приведет к отравлению тех, кто будет рядом. В лучшем случае — к сильному удушью, в худшем — к летальному исходу. Поднимать его нельзя.

2. Единственный безопасный способ — нейтрализовать содержимое на месте. Для этого нужно залить ящик большим количеством воды с добавлением извести или мела. Это свяжет нитраты, превратив их в нерастворимые соли, которые будут менее опасны. Но для этого нужно рассчитать точное количество — чтобы не разбавить и не создать еще большую проблему.

3. Я рассчитал приблизительный объем содержимого на основе размеров ящика. Это около 20-25 кг аммиачной селитры. Для нейтрализации понадобится примерно 50-60 литров воды и около 15 кг извести. Это много, но у тебя есть доступ к извести в усадьбе, и воду можно растопить из снега.

4. После нейтрализации ящик нужно будет закопать глубоко, на глубину не менее двух метров, и засыпать сверху слоем негашеной извести, чтобы перекрыть доступ влаги и воздуха. Это должно остановить дальнейшее разложение.

Но есть одна проблема. Если ящик уже поврежден, и его содержимое частично вытекло, нам нужно будет собрать загрязненную землю вокруг него. Это опасно. Для этого нужна защита — повязки на лицо, чтобы не дышать парами, и что-то вроде кожаных рукавиц, чтобы не касаться яда руками.

Я понимаю, что это сложно. Но это единственный способ. Если мы не сделаем этого, яд продолжит распространяться, и отравления будут повторяться. Я бы предложил сделать это ночью, когда никто не увидит. И как можно быстрее — каждая задержка стоит жизни».

Анна перечитала письмо дважды, впитывая каждое слово. Нестор, как всегда, был точен и расчетлив. Он продумал все детали, просчитал риски, предложил решение. Но это решение требовало смелости, времени и, самое главное, доверия. Доверия к тому, что они смогут сделать это незаметно, не привлекая внимания. Она чувствовала, как внутри нее нарастает холодная решимость — она не могла позволить себе колебаться. Люди умирали, и каждая минута промедления могла стоить еще одной жизни.

Она подошла к окну и посмотрела на заснеженный двор. Ночь была морозной, звездной, и в свете луны снег казался серебряным, почти призрачным. Где-то там, в этом белом безмолвии, лежал ящик с ядом. Где-то там были ответы на вопросы, которые мучили ее. И она знала, что должна действовать. Сейчас. Немедленно. Не дожидаясь утра.

Она написала короткое письмо Виктору, оставив его в условленном месте за амбаром: «Сегодня ночью. Два часа. У старой мельницы. Есть план. Нужна твоя помощь». Затем она послала Артему записку через Устинью, велев ему подготовить лопаты, мешки для земли, чистые тряпицы и все, что могло понадобиться для операции. Она знала, что они пойдут за ней. Они всегда шли. Но в этот раз цена ошибки была слишком высока.

Ночь выдалась ясной и холодной. Луна стояла высоко, заливая снег мертвенным серебряным светом, и тени от деревьев ложились на землю длинными, черными полосами, словно пальцы, тянущиеся к ним. Анна, Виктор и Артем встретились у старой мельницы, как договаривались. На них были темные одежды, лица были закрыты чистыми холщовыми повязками, пропитанными уксусом, чтобы защитить от ядовитых паров — это была идея Нестора, которую Анна воплотила в жизнь за несколько часов. Она проверила повязки у всех, убедилась, что они плотно прилегают к лицу, и только тогда кивнула.

— У нас есть несколько часов до рассвета, — сказала Анна, развернув письмо Нестора и показывая его Виктору. — Мы должны сделать это быстро и тихо. Артем будет копать, Виктор — следить за тем, чтобы никто не приближался. Я буду заливать ящик раствором извести. Мы работаем молча, без лишних слов. Никаких факелов — только лунный свет. Поняли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.